Археологические вести

— 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёкшина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Шкатулки бронзового века: экзотические импорты, подражания-скевоморфы и локальное производство от Центральной Азии до Шумера

С.-Дж. Симпсон¹

Аннотация. В статье рассматриваются находки шкатулок с инкрустациями, происходящие из памятников конца III тыс. до н. э. от Месопотамии до Центральной Азии. Делается вывод, что одна из них, обнаруженная в аккадской могиле в Ниппуре, является хараппским импортом. Подобные типы шкатулок, найденные в Гонур-депе, использовались для хранения зеркал, что также дает новое объяснение ниппурской находке. Остатки других типов декорированных шкатулок известны по материалам из элитных могил Гонура и Ура: некоторые из них соответствуют размеру ларцов или сундуков, другие гораздо меньше, а иконография изображений на них связана с местным культурным контекстом. В статье указывается на тот факт, что доски для «Игры в двадцать квадратов» изначально были полыми, чтобы хранить фигуры, так же как и «Штандарт из Ура» был коробкой, а не предметом, изготовленным из цельного куска дерева, как он был ранее реконструирован. В других регионах, таких как Юго-Восточная Аравия и Иран, небольшие контейнеры изготавливались из хлорита, но более крупные образцы, вероятно, также были сделаны из дерева. Шкатулки из обожженной глины, известные в Восточном Иране и на Юго-Западе Центральной Азии, вполне могли иметь деревянные аналоги, которые не сохранились. Таким образом, в этот период использовалось гораздо большее разнообразие шкатулок и ларцов различных типов и размеров, чем принято считать.

Annotation. This paper briefly reviews some of the excavated evidence for decorated boxes found at sites from Mesopotamia to Central Asia in the late 3rd millennium BC, and concludes that one published from an Akkadian grave at Nippur is a Harappan import. Similar types of box found at Gonur depe were used to contain mirrors, and this also provides a new explanation for the Nippur box. Remains of other types of decorated box are also known from elite graves at Gonur and Ur, some of a size consistent with trunks or chests, but others much smaller and employing iconography peculiar to their cultural context. This paper draws attention to the fact that the boards for the “Game of Twenty Squares” were originally hollow in order to hold the pieces, and that the so-called “Standard of Ur” was also a box, rather than the solid object it has been reconstructed and known as. In other regions, such as southeast Arabia and Iran, small compartmented boxes were also carved from chlorite but larger examples were probably also made of wood. The fired clay boxes also known from eastern Iran and southwest Central Asia may well have had wooden counterparts which have not survived. In short, a much greater variety of boxes of different types and sizes were used at this period than is generally acknowledged.

Ключевые слова: шкатулки, мозаичная инкрустация, Центральная Азия, цивилизация долины Инда, Иран, Персидский залив, Месопотамия, бронзовый век, торговля, подражания.

Keywords: Boxes, mosaic inlay, Central Asia, Indus civilization, Iran, Persian Gulf, Mesopotamia, Bronze Age, trade, imitations.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-119-132

¹ Отдел Ближнего Востока, Британский музей; Лондон, WC1B 3DG; e-mail: SSimpson@britishmuseum.org.

Введение

Шкатулка обычно определяется как квадратная, прямоугольная или круглая емкость с плоским дном, жесткими или негнущимися стенками и, как правило, с крышкой. Чаще всего они вырезались из дерева вручную или вытачивались с помощью токарных приспособлений и закрывались крышкой. Наиболее ранние сохранившиеся экземпляры с Ближнего Востока происходят из контекстов VII–VI тыс. до н. э. в Нахаль Хемаре, Кфар Самир и Чатал-хююке, где они сохранились благодаря исключительно засушливой, заболоченной или обугленной среде (Bar-Yosef, 1985; Galili, Schick, 1990; Mellaart, 1964. P. 86–92, pl. XIX–XXI). Несмотря на раскопки на многих других неолитических памятниках, найдено мало свидетельств об этих типах контейнеров, хотя они должны были быть рядовыми предметами, особенно до распространения керамических емкостей. То же самое можно сказать и о многих других периодах, к которым относятся лишь случайные редкие находки. Вследствие этого функциональная и социальная значимость шкатулок недооценена, так как основные усилия были направлены на разработку современной классификации сосудов, сделанных из керамики, металла, камня или стекла. В данной статье рассмотрены некоторые прямые и косвенные свидетельства, обнаруженные на памятниках бронзового века от Средней Азии и Восточного Ирана до Месопотамии.

Шкатулки бронзового века

В 1989–1990 гг. во время раскопок в *Nippure* в могиле конца III тыс. до н. э. в раскопе WF обнаружена необычная находка. Она относилась к погребальному инвентарю внутри большой погребальной камеры, впущенной с горизонта XIII в во дворе и датированной по стратифицированной керамике, печатям и текстам позднеаккадским периодом (McMahon, 2006. P. 45–51). В данный склеп, по-видимому, вел пандус, заканчивавшийся узкой камерой размером 3,5 × 3,5 м. В ней были найдены скелеты трех человек с эквидом, двумя овцами и ягненком, положенными между двумя погребенными, предположительно мужем и женой. Скелет № 1 был мужским и сопровождался оружием. Скелет № 2 принадлежал женщине и представлял наибольший интерес: ее лоб опоясывала золотая лента, на ней были золотые серьги, пара серебряных браслетов, тяжелое ожерелье из бус, печать из лазурита на булавке плаща у правого плеча, а также набор медных и керамических сосудов; рядом были помещены другие горшки и погребальные приношения. Около головы, судя по описанию, находились «крайне хрупкие и ветхие остатки небольшой деревянной шкатулки с крышкой, инкрустированной мозаичным украшением из кости» (*Ibid.* P. 49) (рис. 1).

Судя по фотографии, шкатулка была круглая, диаметром 12 см, и имела в центре выпуклую ручку диаметром 2,5 см и высотой 1 см. Она украшена

Рис. 1. Прорисовка крышки и реконструкция привозной хараппской деревянной шкатулки с инкрустацией ракушкой из Ниппура (на основе McMahon, 2006. Pl. 146, 7; рис. Кейт Мортон)

Fig. 1. Drawing of the lid and reconstruction of an imported Harappan wooden box with shell inlays found at Nippur (based on McMahon, 2006. Pl. 146, 7; drawings by Kate Morton)

концентрическими кругами из обращенных наружу ступенчатых пирамид, ступенчатых крестов с углами, инкрустированными квадратиками меньшего размера, и полукругами (первоначально крепившимися, по-видимому, с помощью деревянных шпенок, поскольку заклепки не найдены), перемежающимися с обращенными внутрь ступенчатыми пирамидами и восьмилепестковыми розетками (каждая из которых крепилась по центру медной заклепкой) с парными гладкими дисками между ними и бордюром из совмещенных треугольников, образующих бегущий ромб с узким ровным внешним краем. Две двойные розетки были прикреплены к В-образным ушкам, присоединенным с противоположных сторон, поверхность между ними была украшена шестилепестковой розеткой и гладким диском на каждой из сторон. Кроме того, было найдено еще одно скопление каплевидных и фасолевидных инкрустаций, однако их первоначальное положение было непонятно. По описанию, все инкрустации были из кости, а ярко-коричневого или темного цвета дерево должно было с ними контрастировать, хотя все свидетельства этого исчезли. Шкатулка оказалась пустой. Высота шкатулки неизвестна, однако разреженность украшений по бокам говорит о том, что она была невысокая, через пару ушек, украшенных розетками, продевалась тонкая лента или сухожилие, которые обматывались вокруг центральной выпуклой ручки.

Шкатулка из Ниппура не уникальна. Инкрустированная ракушками обкладка в виде ступенчатого креста со скошенными краями размером 1,8 см найдена на поверхности *Тепе-Гавра* в Хорсабадской равнине Северной Месопотамии (Speiser, 1935. P. 139, 197, pl. LIIIb, 4) (рис. 2). Такие предметы в свое время рассматривались как аналоги хараппских находок, весьма распространенных в Мохенджо-Даро, а один из исследователей отмечал сходство орнамента с расписной керамикой из Белуджистана и Анау (Mackay, 1931. Vol. II. P. 566; Vol. III. Pl. CLV, 31–33) (рис. 3). Отдельная инкрустация в виде ступенчатого креста размером 2 см в поперечнике была опубликована среди находок из ограбленных могильников в районе Конар-Сандаля в *Халил-Руде* (Madjidzadeh, 2003. P. 148, 205)², и этот мотив повторяется в двух регистрах вокруг верхней части сосуда из

Рис. 2. Хараппская инкрустация ракушкой, найденная в Тепе-Гавра (Speiser, 1935. Pl. LIIIb, 4)

Fig. 2. Harappan shell inlay found at Tepe Gawra (Speiser, 1935. Pl. LIIIb, 4)

хлорита с вертикальными стенками, найденного среди той же группы находок (*Ibid.* P. 68, 185). Находки из Ниппура и Тепе-Гавра, представляли собой, таким образом, экзотические предметы, привезенные по Персидскому заливу и, скорее всего, происходящие из долины Инда. Инкрустации из Ниппура, вероятно, были также из ракушки.

Обратимся теперь к «Царским гробницам» в Уре, в комплексах которых исследователи неоднократно отмечали находки деревянных шкатулок — правда, чаще всего распознаваемых только тогда, когда они были украшены инкрустацией. Шкатулка с двумя отделениями, найденная в погребении PG/1749, орнаментирована «квадратными бляшками» необработанного перламутра, обрамленными полосками инкрустаций ракушкой и перламутром; перламутровая крышка поворачивалась на штифте (Woolley, 1934. P. 592. pl. 103)³. Квадратная шкатулка размером 55 см в ширину и 23 см в высоту найдена в могиле PG/1156 и содержала косметические раковины (*Ibid.* P. 170)⁴;

³ В полевом дневнике отмечено, что керамическая ваза лежала за головным краем гроба сверху контейнера в виде инкрустированного страусинового яйца и напротив «небольшой расписной шкатулки с двумя отделениями, содержащей зеленую краску».

⁴ Описано в дневнике просто как «деревянная шкатулка..., содержащая крупные раковины сердцевидки [с] остатками краски».

² В качестве материала указан «мрамор», но это могла быть ракушка или кальцит.

Рис. 3. Варианты инкрустаций ракушкой из Мохенджо-Даро (по Mackay, 1931. Vol. III. Pl. CLV, 31–33)

Fig. 3. Versions of shell inlays found at Mohenjo-daro (after Mackay, 1931. Vol. III, Pl. CLV, 31–33)

«остатки того, что по-видимому было шкатулкой, инкрустированной перламутром и красным и черным камнем», найдены в PG/1248⁵; почти квадратная деревянная шкатулка размером 65 × 60 см «со сторонами из тонкой дощечки и более короткими вертикальными стойками» и содержащая два золотых кинжала, найдена в PG/1054 (*Ibid*, 1934. P. 98)⁶; «то, что, вероятно, было крышкой круглой шкатулки, инкрустированной красной стеклянной пастой», найдена в PG/730, хотя в данном случае орнамент был утрачен, так как «лишь следы и частицы красного порошка образовывали барельеф на гладкой поверхности земли [и] разрыхление земляной массы влекло разрушение орнамента» (*Ibid*. P. 385. Pl. 222) (рис. 4).

⁵ «...инкрустация, треугольники и квадраты из перламутра, красного известняка и черного сланца, вероятно, от сгнившей деревянной шкатулки» (U.12176), как сказано в дневнике, «рядом со стороной гроба находилось некоторое количество инкрустации из квадратов и треугольников = белых (перламутр) и из красного и черного камня, по-видимому от шкатулки» (Woolley, 1934. P. 579).

⁶ Это описание дано в полевом дневнике, так как опубликованный отчет просто упоминает находку как «теперь превратившуюся в белесый порошок».

Два «фрагмента дерева, инкрустированные деревом более светлых оттенков в виде листовного орнамента, напоминающего одну пластинку из раковины с гравировкой; хотя на последней орнамент был выполнен в более свободной натуралистической манере», были найдены в могиле PG/789; из могилы PG/871 «происходит симметричный орнамент из равномерно расставленных четырехлистных розеток; в данном случае фон, по-видимому, был светлый, а инкрустация выполнена темным, почти черным, хорошо сохранившимся деревом, напоминающим эбеновое; тот же узор на таком же материале встречен на деревянных ножнах кинжала в могиле PG/709» (рис. 5); «в могиле PG/645 было найдено скопление крошечных прямоугольников... из красноватого дерева [размером 4–5 мм в поперечнике], заделанных в битум, — возможно, это была инкрустация на шкатулке, деревянная основа которой не сохранилась» (*Ibid*. P. 386, 546, 550⁷).

«Остатки небольшой деревянной шкатулки (дерево полностью утрачено), инкрустированные маленькими полосками и квадратиками из кости» размером 3 мм в поперечнике, были найдены в PG/543 (*Ibid*. P. 542). В рыхлом грунте в углу могилы, перед лицом умершего и за медной вазой и

⁷ С деревянными ножнами, инкрустированными деревянной розеткой.

Рис. 4. Прорисовка красного расписного орнамента на крышке круглой деревянной шкатулки из могилы PG/730 в Уре (архив раскопок в Уре)

Fig. 4. Drawing of the red-painted design on the lid of a circular wooden box found in PG/730 at Ur (Ur excavation archive)

Рис. 5. Прорисовка повторяющегося растительного узора на деревянной облицовке из могилы PG/871 в Уре (архив раскопок в Уре)

Fig. 5. Drawing of a repeating floral design on wooden panelling found in PG/871 at Ur (Ur excavation archive)

кальцитовым «сосудом для поливки», находились две «пластинки из раковин, 0,03 кв. м, с выгравированными изображениями: на одной козел и на другой леопард; первоначально раковины были скреплены битумом. Вместе с ними находились три окаймляющие полосы инкрустации из кости и четыре полосы лазуритового окаймления» (*Ibid.* P. 544). В PG/341 — 14 игральные кости, «семь из черного сланца, инкрустированного пятью белыми пятнышками ракушки, семь из раковин с инкрустацией пятью пятнами лазурита <...> были найдены лежащими в ряд, чередуясь в цвете; возможно, они принадлежали деревянной шкатулке, которая не сохранилась» (*Ibid.* P. 536).

Наконец, обратим внимание на тот факт, что «доски» для «Игры в двадцать квадратов» («Царская игра из города Ура») также были сделаны, скорее, в виде довольно изящных пустых шкатулок (рис. 6), а не толстых сплошных блоков, показанных в современных реконструкциях; то есть «доска» представляла в действительности верх пустотелой шкатулки, внутри которой хранились фишки и игральные кости, на что указывает находка набора внутри серебряной версии такой доски из могилы PG/789 (*Ibid.* P. 559; ср.: P. 540, 557, pl. 221). Эта игра, как и аналогичные игральные доски, найденные на Гонур-депе⁸, возможно,

происходила из региона Инда, однако доски, найденные в Уре, декорированы с использованием экзотических материалов с местными орнаментацией и комбинациями цветов. Многие из инкрустированных шкатулок, упомянутых выше, тоже, по-видимому, были местного изготовления, однако лепестковый узор на находке из PG/871 очень напоминает хараппские орнаменты, а упоминание исследователем темного дерева, похожего на эбеновое, указывает на возможность того, что предмет являлся восточным импортом.

Теперь обратимся к более впечатляющей находке, а именно к «Штандарту из Ура», обнаруженному в царской гробнице PG/779. Он был найден на правом плече мужчины, который как будто нес его с собой (*Ibid.* P. 61–62). Каждая из его длинных сторон была украшена тремя рядами сцен: военные сюжеты на одной стороне и сцена пригона скота, завершающаяся пиром, — на другой. На каждой из коротких сторон предмет украшен сюжетами мифологического содержания. Невозможно описать находку лучше, чем это сделал сам Леонард Вулли: «Длинные плоские стороны

остатков досок для игры, вероятно, просто свидетельствуют о том, что эти доски не были инкрустированы и поэтому не сохранились, а не о том, что фишки были помещены отдельно. Это подтверждается находкой неинкрустированной доски в Шахри-Сохте (*Piperno, Salvatori, 1983. P. 179–189, fig. 5–7, pl. VI*).

⁸ См.: Dubova, 2021. P. 368–369. Заметим, что находки игровых костей в могилах при отсутствии

Рис. 6. «Игра в двадцать квадратов» («Царская игра») с мозаичными инкрустациями из Ура (Совет попечителей Британского музея)

Fig. 6. "Game of Twenty Squares" ("The Royal Game") with mosaic inlays found at Ur (Trustees of the British Museum)

были наклонены друг к другу таким образом, что их края принимали форму усеченных треугольников. <...> Все четыре стороны предмета были покрыты мозаикой, верх и основание не были украшены. Каждая сторона была горизонтально разделена на три ряда, окаймленных полосками из раковин и, между ними, полосами лазуритовых квадратиков и треугольников из ракушки или квадратиками красного известняка или лазуритовыми треугольниками, причем чередующиеся окаймления были разного цвета; схожие окаймления красными квадратиками и лазуритовыми треугольниками ограничивали панели со всех сторон. Каждый ряд был заполнен изображениями на фоне поля из лазуритовой мозаики; внутренние детали изображений имели черное заполнение, за исключением колесниц, выполненных ярко-красной пастой, и двух изображений животных, у которых середина тела была вырезана из красного известняка» (*Ibid*, 1934. P. 266–267).

Иконография и изобразительный сюжет этого предмета являются целиком шумерскими и принадлежат к жанру, известному по настенным панно, однако сочетание этих разнотипных сцен в одной композиции не имеет аналогов. Функция предмета поставила в тупик исследователя, который первоначально описывал его как «инкрустированную шкатулку», но позднее заключил, что это была форма некоего штандарта, и так этот

предмет определяется и теперь. Однако замечанию автора раскопок, что предмет был пустотелым, по-видимому, не уделено достаточного внимания и, по наблюдению моего коллеги д-ра Финкеля, расположение инкрустаций вдоль верхнего обрамления позволяет крышке предмета скользить вперед и назад, как у тщательно подогнанного пенала для карандашей. В таком случае мы имеем дело с одним из наиболее удивительных из известных примеров шкатулки, инкрустированной мозаикой и, возможно, изготовленной для хранения таблички с изложением событий, изображенных снаружи, то есть успешной военной компании царя Ура против нешумерского, как можно судить по иконографии, врага. Шкатулка была захоронена вместе с царем, в то время как сама табличка предположительно была помещена в архив. Если эта гипотеза верна, то «хранитель шкатулки» должен был обладать высоким статусом, будучи лицом, приближенным к погребенному царю, в то время как сама шкатулка была изготовлена из экзотических материалов, подчеркивающих ее особое значение.

В Восточном Иране и Юго-Восточной Аравии небольшие четырехугольные шкатулки вырезались из хлорита (и, несомненно, также из дерева): они имели до пяти отделений, украшались кружковым орнаментом или (в джирофтской культуре) барельефными фигурными узорами и

завитками, закрывались плотно прилегающими крышками (см., например: *Helwing*, 2017. S. 88, 269; *David*, 2018. P. 79–84). В Шахдаде семь таких образцов найдены в шести могилах, в двух из них — вместе с глиняными шкатулками (*Hakemi*, 1997. P. 190–191, 274–275, 280–281, 322–323, 326–327, 612–615). Еще два экземпляра с резными зигзагообразными узорами с белым заполнением на внешней стороне обнаружены в помещении № 76 Дома XIII в раскопе VS в Мохенджо-Даро и, по-видимому, использовались в качестве косметических коробочек, предположительно импортных (*Marshall*, 1931. Vol. II. P. 369. Vol. III. Pl. CXXXI, 36, 37). Некоторыми из таких предметов торговали вдоль Персидского залива, так как они встречены в Бахрейне (*Ibrahim*, 1982. P. 78, fig. 45, 3, 4, pl. 53, 3, 4) и в Сузах (*Miroschedji*, 1973. P. 30–31, fig. 9, 2, 3; 11, 14–16, pls. VII, h; VIII, m, n). Они также проникли в Центральную Азию, учитывая, что два экземпляра представлены в погребении 3245 на Гонур-депе (*Sarianidi*, 2006b. P. 243, 253, fig. 103). Поскольку в литературе нигде не отмечено их содержание, назначение этих коробочек остается неизвестным, хотя предположение В. И. Сарияниди (*Сарияниди*, 2008. С. 276), что это были «культовые предметы», можно исключить. Необходимо заметить, что емкости их отделений избыточны для косметики, которая высыхала бы до ее полного использования, так что они должны были предназначаться для какого-то другого вещества, видимых следов которого не сохранилось.

Для данного периода также известны более крупные декорированные глиняные шкатулки из могил в Восточном Иране (рис. 7). Наиболее впечатляющий экземпляр происходит из могилы № 356 в Шахдаде и так описан автором раскопок: «глиняная комнатка с мозаичным украшением. Пять сторон этой глиняной комнатки украшены белыми, зелеными и красными кремешками с узором, включающим по два маленьких и два более крупных прямоугольника. Внутри меньших прямоугольников находятся два симметричных ромба с белыми сторонами. Пространство внутри ромбов заполнено зеленой яшмой, а снаружи — красной яшмой. Широкое пространство между двумя прямоугольниками заполнено двумя наклонными узорами, напоминающими симметричные сосуды» (*Hakemi*, 1997. P. 662) (рис. 8). Это наводит на мысль, что какие-то другие контейнеры могли быть изготовлены из дерева, но археологически они не были зафиксированы,

если не были инкрустированы. Однако эти экземпляры необязательно были недекорированными, о чем свидетельствует раскрашенный в голубой цвет деревянный «реликварий», найденный в Шахри-Сохте (*Tosi*, 1969. Fig. 125), поэтому логично предположить, что украшенные деревянные версии имели более широкое распространение, чем это предполагалось ранее.

Л. Б. Кирчо (2010) также обратила внимание на сходство этой формы предметов с квадратными или прямоугольными «реликвариями» из обожженной глины, найденными в Алтын-депе периодов энеолита и бронзового века (ок. 3300–2400/2300 до н. э.). Они украшены рядами резных «ступенчатых пирамидок» или зубчатыми мотивами, а характер их изготовления предполагает технику резьбы, заимствованную из деревообработки (рис. 9). Сам мотив мог имитировать плетеные ткани и широко использовался на расписной керамике, перегородчатых печатях, косметических стержнях и бусах, а также на маленьких паллетах и «прорезных» украшениях некоторых «сумочек-гирь». Он пользовался популярностью от Копетдага до Таджикистана и бассейна Гильменда в конце IV — начале III тыс. до н. э. (*Pottier*, 1984. Fig. 23, 41, pl. XXXV; *Bonora*, 2021. P. 755–756, fig. 26.2, 16). Другими словами, данный мотив может рассматриваться как один из элементов характерного отличительного регионального языка орнаментации, который мог транслироваться на разных носителях. Л. Б. Кирчо обратила внимание на то, что искусно выполненное декорирование, вес и хрупкость исключали бытовое применение этих предметов; она предположила, что они могли использоваться как символические жилища для статуэток (*Кирчо*, 2010; ср.: *Кирчо и др.*, 2008. С. 127–128, табл. 12, 15; 23, 22; 30, 18–20; 46, 5; 73, 10, 11; 96, 14–17; 109, 32; 120; 121, 1–12; 147, 25–17; 148; *Kircho*, 2021. P. 124, 130, fig. 4.8, 42, 43; 4.9, 37, 38; 4.10, 23).

Наконец, обратимся к Гонур-депе, где недавно ушедший от нас В. И. Сарияниди обнаружил целый ряд свидетельств мозаичной инкрустации (*Dubova*, 2021). Две из наиболее богатых могил на Большом некрополе Гонура содержали круглые чехлы для зеркал с орнаментированными крышками, один был украшен рельефным крестовидным орнаментом с инкрустацией мелкими черными, красными и белыми квадратами, расположенной по углам; второй декорирован сложным крестом по центру, ромбами, помещенными

Рис. 7. Шкатулки из хлорита с отделениями, найденные в Шахдаде (Phillips, Simpson, 2018. P. 16, fig. 19)
 Fig. 7. Chlorite compartmented boxes found at Shahdad (Phillips, Simpson, 2018. P. 16, fig. 19)

по концам креста, и повторяющимися квадратами инкрустации, опять же по углам (Sarianidi, 1998. Р. 74, fig. 34; 2007. Р. 114, fig. 205; 206; ср. также: Rossi-Osmida, 2002. Р. 88–89, 121–131; Gass, Masanz, 2018. Р. 169–170); две отдельные инкрустации также были найдены в ограбленной могиле с подбоем (Salvatori, 1994. Р. 17, fig. 5.8). В других могилах обнаружены остатки крупных шкатулок, или «своеобразных остенсориумов», и небольшие глиняные «ларцы», украшенные снаружи (иногда и внутри) геометрическими или фигурными мозаичными узорами, в том числе рядами сердцевидных или фасолевидных вставок с раскрашенными углублениями, грифонами, головками пантер, кабанов и волков, а также со змеями, терзающими травоядных животных (Sarianidi, 2006a. Р. 97; ср.: Sarianidi, 2006b. Р. 217, 248, fig. 71; 81; 83–87; 91; Сарианиди, 2008. С. 194–195, 206, 221–225, рис. 83; 91; 92; 114; 117–137; Gass, Masanz, 2018. Р. 209) (рис. 10). Кроме того, еще одна могила содержала цисту в виде ящика из сырцового кирпича, закрытого деревянной крышкой, украшенной рядами повторяющихся кварцитовых дисков. Последние были окрашены по центру и первоначально образовывали геометрический узор (Rossi-Osmida, 2002. Р. 96–97). Все эти ящички были помещены рядом с умершим как своего рода погребальный инвентарь. Их размеры соответствовали современным сундукам или кофрам, поэтому они, возможно, были предназначены для хранения одежды и других тканей, не сохранившихся в данных условиях. Находки из этих раскопок помогают воссоздать контекст для ряда других разрозненных или недокументированных экземпляров, в том числе фрагментов плоского «алебаstra», первоначально украшенного углубленными трилистниками и изображением зебу, который был найден на полу «дворца» в Дашлы-3 (Сарианиди, 1977. С. 47, рис. 19).

Заключение

Обобщенные здесь материалы указывают на то, что шкатулки различных размеров, форм и декора являлись частью материальной культуры и погребального обряда в конце III тыс. до н. э. от Месопотамии до Центральной Азии. Эти сообщества бронзового века были связаны между собой торговлей, обменом дарами и, порой, военными кампаниями. Несмотря на то что гипотеза о торговой колонии Мелухха поблизости от Гирсу оспаривалась (Laurson, Steinkeller, 2017. Р. 79–82),

Рис. 8. Инкрустированная мозаикой шкатулка из могилы 356 в Шахдаде (по Hakemi, 1997. Р. 662)

Fig. 8. Mosaic inlaid box found in grave 356 at Shahdad (after Hakemi, 1997. Р. 662)

вероятно, что некоторые члены торговых династий долгое время проживали за границей для обеспечения выгодных сделок, так же как месопотамские торговцы были позднее засвидетельствованы на Анатолийском плато, где они обеспечивали торговлю текстилем и оловом. Не исключено, что эти люди имели хорошие возможности для распространения новых идей, обычаев, игр, лексик и экзотических вещей в своем новом окружении, причем некоторые из указанных предметов были скорее ценными подарками на память, а не товарами для торговли. Юрис Заринс обратил внимание на многочисленные соответствия между богатой могилой в Ниппуре, описанной выше, и другими высокостатусными захоронениями позднеаккадского и постаккадского периодов в Уре, Ашшуре, Адабе и Кише. Он отмечает, что инкрустированные деревянные шкатулки являются одной из характерных черт данной культуры, и предполагает, что они принадлежат загадочному пришлому народу, упоминаемому в месопотамских текстах как гутти. Он даже считает, что шкатулки происходят из Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Zarins, 2020. Р. 11–14). Исходя из их диаметра, сопоставимого с диаметром шкатулок и зеркал из Гонура, их назначение сейчас можно объяснить в качестве футляров для круглых зеркал (ср.: Тишкин и др., 2019).

Рис. 9. Декорированные «реликвари» из обожженной глины, найденные в Алтын-депе; периоды раннего (2–4) и среднего (1) бронзового века. Условные обозначения: *a* — красная краска; *b* — черная краска; *v* — щелевидные (1) или нерасписные мотивы (2–4); римскими цифрами обозначены грани (Кирчо, 2010. Рис. 1)

Fig. 9. Decorated fired clay “reliquary” boxes found at Altyn-depe, Early (2–4) and Middle (1) Bronze Age periods. Keys: *a* — red paint; *b* — black paint; *v* — slit (1) or unpainted motifs (2–4); Roman numerals indicate the sides (Кирчо, 2010. Рис. 1)

Рис. 10. Инкрустации мозаикой из гробницы 3235 в Гонур-депе (по Sarianidi, 2006b. Fig. 70)

Fig. 10. Mosaic inlays found in tomb 3235 at Gonur depe (after Sarianidi, 2006b. Fig. 70)

Вероятность того, что дама, похороненная в Ниппуре, была чужеземкой, вызывает еще один вопрос: имеем ли мы дело с импортным товаром или же с личным имуществом умершей, которая прибыла в Шумер откуда-то извне? В «Письмах из Амарны» упоминается, как царственные принцессы выдавались замуж, чтобы обеспечить соблюдение договоров, а дипломатическая переписка между царем Эсархаддоном и скифским вождем Бартатуа упоминает отправку принцессы для заключения дипломатического брака (Simpson, Pankova, 2017. Р. 284). Подобная практика поэтому может объяснять распространение некоторых предметов, например, ручных зеркал и личных украшений, на очень большие расстояния (Pankova, Simpson, 2020. Р. 678).

Как археологи мы обязаны опираться в наших интерпретациях и реконструкциях жизни в древности на имеющиеся у нас свидетельства. Однако нужно всегда помнить, что многие артефакты не

сохранились вследствие как неблагоприятных условий залегания, так и их повторного использования, выборочного захоронения с умершими или из-за систематического уничтожения в древности. В таких случаях мы подсознательно отдаем предпочтение дошедшим до нас категориям материальной культуры перед теми, что не сохранились. Что касается великого бронзового века, по-прежнему много пишется о торговле металлами, полудрагоценными камнями (например: Garner, 2021; Pigott, 2021; Tosi, 1974) и о появлении характерных находок и особых артефактов как индикаторов взаимных контактов: например, месопотамские и хараппские каменные «гири»; печати из района Персидского залива, Месопотамии и Хараппы; хараппские игральные палочки и доски; зубчатые глазурованные композиции и бусы из травленого сердолика; стеатитовые бочковидные бусы с резными рельефными трилистниками; гребни из слоновой кости; иранские кальцитовые и хлоритовые

сосуды; бифасиальные иволистные наконечники стрел (см., например: *Reade*, 1979; *Phillips, Simpson*, 2018; *Frenez*, 2018; *Lombard*, 2021; *Zarins*, 2020. P. 25–32). Ко всему этому мы теперь можем добавить и еще одно — шкатулки с крышками и цветными геометрическими инкрустациями. Некоторые из них имели местные формы и ограниченное распространение, но другие перевозились на большие

расстояния. Даже в тех случаях, когда дерево утрачено, сохранившиеся инкрустации доказывают существование таких связей между регионами; они заставляют вернуться к дискуссионным вопросам, которые касаются причин перемещения этих вещей, и заставляют нас еще раз попытаться понять, каким образом эти ящички различных форм могли использоваться в древности.

Кирчо, 2010 — Кирчо Л. Б. «Реликварии» Алтын-депе // Записки ИИМК. 2010. Вып. 5. С. 117–122.

Кирчо и др., 2008 — Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский дом, 2008. (Труды ИИМК РАН; Т. XXVIII). 370 с.

Сарианиди, 1977 — Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы советско-афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.

Сарианиди, 2008 — Сарианиди В. И. Маргуш: тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmen döwlethabarlary, 2008. 341 с.

Тишкин и др., 2019 — Тишкин А. А., Дубова Н. А., Серегин Н. Н. Рентгенофлуоресцентный анализ металлических зеркал из археологического комплекса Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I: Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 83–86.

Bar-Yosef, 1985 — Bar-Yosef O. A Cave in the Desert, Nahal Hemar, 9000-Year-Old Finds. Jerusalem: The Israel Museum, 1985. 15 p.

Bonora, 2021 — Bonora G. L. Oxus Civilization and the northern steppes // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 734–775.

David, 2018 — David H. Three examples of 3rd millennium BC softstone vessel imports found in Syria // Softstone. Approaches to the study of chlorite and calcite vessels in the Middle East and Central Asia from prehistory to the present / Eds. C. S. Phillips,

St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. P. 79–84.

Dubova, 2021 — Dubova N. A. Polychrome inlaid and painted mosaics from Gonur Depe (Turkmenistan) // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 367–85.

Frenez, 2018 — Frenez D. Manufacturing and trade of Asian elephant ivory in Bronze Age Middle Asia. Evidence from Gonur Depe (Margiana, Turkmenistan) // Archaeological Research in Asia. 2018. Vol. 15. P. 13–33.

Galili, Schick, 1990 — Galili E., Schick T. Basketry and a Wooden Bowl from the Pottery Neolithic Submerged site of Kefar Samir // Mitekufat Haeven. 1990. Vol. 23. P. 142–151.

Garner, 2021 — Garner J. Metal sources (tin and copper) and the BMAC // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 799–826.

Gass, Masanz, 2018 — Gass A., Masanz R. Katalog der ausgestellten Objekte // Parzinger H. et al. Margiana. Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan. Petersberg: Michael Imhof, 2018. P. 148–233.

Hakemi, 1997 — Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: IsMEO, 1997. 721 p.

Helwing, 2017 — Helwing B. (ed.). Iran. Frühe Kulturen zwischen Wasser und Wüste. Bonn; München: Bundeskunsthalle, Hirmer, 2017. 296 S.

Ibrahim, 1982 — Ibrahim M. Excavations of the Arab expedition at Sar el-Jisr, Bahrain. Manama: Ministry of Information, 1982. 224 p.

Kircho, 2021 — Kircho L. B. The rise of the early urban civilization in southwestern Central Asia From the Middle Chalcolithic to the Middle Bronze Age in southern Turkmenistan // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 110–142.

Laurson, Steinkeller, 2017 — Laurson S., Steinkeller P. Babylonia, the Gulf Region, and the Indus.

- Archaeological and Textual Evidence for Contact in the Third and Early Second Millennium B.C. Winona Lake: Eisenbrauns, 2017. 152 p.
- Lombard*, 2021 — *Lombard P.* The Oxus Civilization / BMAC and its interaction with the Arabian Gulf. A review of the evidence // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 607–634.
- Mackay*, 1931 — *Mackay E.* Ivory, shell, faience, and other objects of technical interest // *Mohenjo-daro and the Indus Civilization. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-daro carried out by the Government of India between the years 1922 and 1927* / Ed. Sir John Marshall. London: Arthur Probsthain, 1931. Vol. II. P. 562–88.
- Madjidzadeh*, 2003 — *Madjidzadeh Y.* Jiroft. The Earliest Oriental Civilization. Tehran: Ministry of Culture and Islamic Guidance; Cultural Heritage Organization Research Centre, 2003. 218 p.
- Marshall*, 1931 — *Marshall Sir John* (ed.). *Mohenjo-daro and the Indus Civilization. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-daro carried out by the Government of India between the years 1922 and 1927.* London: Arthur Probsthain, 1931. 364 p.
- McMahon*, 2006 — *McMahon A.*, *Nippur V.* The Early Dynastic to Akkadian transition. The Area WF sounding at Nippur. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2006. 193 p.
- Mellaart*, 1964 — *Mellaart J.* Excavations at Çatal Hüyük, 1963. Third Preliminary Report // *Anatolian Studies*. 1964. Vol. 14. P. 39–119, pl. I–XXVI.
- Miroschedji*, 1973 — *Miroschedji P.*, de. Vases et objets en steatite susiens du musée du Louvre // *Cahiers de la DAFI*. 1973. Vol. 3. P. 9–79.
- Pankova, Simpson*, 2020 — *Pankova S. V.*, *Simpson St. J.* (eds.). *Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia.* Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. 802 p.
- Phillips, Simpson*, 2018 — *Phillips C. S.*, *Simpson St. J.* (eds.). *Softstone. Approaches to the study of chlorite and calcite vessels in the Middle East and Central Asia from prehistory to the present.* Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. 208 p.
- Pigott*, 2021 — *Pigott V. C.* The acquisition of tin in Bronze Age Southwest Asia // *The World of the Oxus Civilization* / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London and New York: Routledge, 2021. P. 827–61.
- Piperno, Salvatori*, 1983 — *Piperno M.*, *Salvatori S.* Recent Results and New Perspectives from the Research at the Graveyard of Shahr-i Sokhta, Sistan, Iran // *Anali* 1983. Vol. 63. P. 172–191.
- Pottier*, 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane méridional de l'Age du Bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 232 p.
- Reade*, 1979 — *Reade J.* Early Etched Beads and the Indus-Mesopotamia Trade. London: The British Museum, 1979. 36 p.
- Rossi-Osmida*, 2002 — *Rossi-Osmida G.* (ed.) *Margiana Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre.* Venice: Ligabue Study and Research Centre, 2002. 211 p.
- Salvatori*, 1994 — *Salvatori S.* Excavations at the Namazga V Late graveyard of Gonur 1 (Murghab Delta, Turkmenistan). Preliminary report on the 1993 field season // *Rivista di Archeologia*. 1994. Vol. 18. P. 14–39.
- Sarianidi*, 1998 — *Sarianidi V. I.* *Margiana and Protozoroastrism.* Athens: Kapon, 1998. 192 p.
- Sarianidi*, 2006a — *Sarianidi V. I.* A Tsar's Necropolis in the Kara Kum Desert // *Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary Approach* / Ed. J. Krieken-Pieters. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 95–101.
- Sarianidi*, 2006b — *Sarianidi V. I.* Goñurdepe: City of Kings and Gods. Ashgabat: Miras, 2006. 327 p. (на туркм. яз.).
- Sarianidi*, 2007 — *Sarianidi V. I.* *Necropolis of Gonur.* Athens: Kapon, 2007. 340 p.
- Simpson, Pankova*, 2017 — *Simpson St J.*, *Pankova S.* (eds.). *Scythians: warriors of ancient Siberia.* London: Thames and Hudson, 2017. 368 p.
- Speiser*, 1935 — *Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. 1. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1935. 220 p.
- Tosi*, 1969 — *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, September-December 1968 // *East and West*. 1969. Vol. 19. P. 283–386.
- Tosi*, 1974 — *Tosi M.* The lapis trade across the Iranian plateau in the 3rd millennium // *Gururājamañjarikā. Studi in Onore di Giuseppe Tucci.* Naples: Istituto Universitario Orientale, 1974. P. 3–22.
- Woolley*, 1934 — *Woolley C. L.* *Ur Excavations. Vol. II: The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931.* Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. New York: Trustees of the two Museums, 1934. 604 p., 274 pls.
- Zarins*, 2020 — *Zarins J.* Ur, Lagash and the Gutians: a study of late 3rd millennium BC Mesopotamian archaeology, texts and politics // *In Context. The Reade Festschrift* / Eds. I. L. Finkel, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. P. 11–42.

Of boxes in the Bronze Age: exotic imports, skeuomorphs and local crafts from Central Asia to Sumer

St J. Simpson⁹

This paper briefly reviews some of the excavated evidence for decorated boxes found at sites from Mesopotamia to Central Asia in the late 3rd millennium BC (Fig. 1–10), and concludes that one published from an Akkadian grave at Nippur is a Harappan import. Similar types of box found at Gonur depe were used to contain mirrors, and this also provides a new explanation for the Nippur box. Remains of other types of decorated box are also known from elite graves at Gonur and Ur, some of a size consistent with trunks or chests, but others much smaller and employing iconography peculiar to their cultural context. This paper draws attention to the fact that the boards for the “Game of Twenty Squares” (Fig. 6) were originally hollow in order to hold the pieces, and that the so-called “Standard of Ur” was also a box, rather than the solid object it has been reconstructed and known as. In other regions, such as south-east Arabia and Iran, small compartmented boxes were also carved from chlorite but larger examples were probably also made of wood. The fired clay boxes also known from eastern Iran and southwest Central Asia may well have had wooden counterparts which have not survived. In short, a much greater variety of boxes of different types and sizes were used at this period than is generally acknowledged.

⁹ St John Simpson — Department of the Middle East, The British Museum; Great Russell Street, London WC1B 3DG; e-mail: SSimpson@britishmuseum.org.